

Улица Александровская, нач. XX в.

Сегодня я расскажу вам, как из мухи сделать... Нет, лучше про то, как десяток-другой трёхрублёвых дамочек умудрялись обеспечивать тысячерублёвое содержание огромного особняка. А может, вам будет интереснее узнать о том, почему богатейший купец с большим семейством жил в публичном доме?

Как жаль, что не добрались в самом начале прошлого века только что народившиеся киношники до нашего города: презабавнейших сценок, ничуть не хуже легендарного «Политого поливальщика», в Уфе хватало. Взять хотя бы эпизоды из бурной жизни уфимского базара или на подступах к нему: то застрянет в безразмерной луже на виду сотен зевак пролетка с важной дамой, то рогатая бестия – коза – врежет под зад зазевавшемуся моднику. На фотографиях всё это вряд ли останется: жанр не позволяет. Зато есть на них другое – изменения, произошедшие за месяцы и годы. Взять хотя бы вот этот угол – дореволюционных Александровской и Пушкинской (снимок производства фотозаведения О.Ф. Герман).

Если даже сказать, как улицы именуются сейчас, большинство всё равно места не узнает, как, собственно, не узнал его и я при первом рассмотрении. Так что попробуем разобраться.

Итак, фотограф стоит на Александровской (К. Маркса) спиной к будущему стадиону «Динамо». Дом с высокой крышей по левой стороне улицы и чуть вдали сохранился (пока, во всяком случае). Когда-то он принадлежал водочному и пивному заводчику Василию Ильичу Видинееву – тому самому, в саду которого был пруд и работал летний театр (речь о нынешнем саде С.Т. Аксакова). А вот хозяином ближних домиков (точнее, земельного участка с домами) на той же левой стороне улицы вскоре станет главный уфимский оптовый торговец мукой Павел Костерин. Если и эта фамилия вам ничего не говорит, взгляните на следующий снимок, сделанный Аполлоном Зирахом в середине 1910-х. Узнали? Что и говорить, местечко заметное.

Впрочем, продолжу. Почему-то считается, что Павел Иванович Костерин

– купец самарский, в Уфе поселился около 1890 года в связи с женитьбой на Екатерине Павловне Поповой – дочери бывшего городского головы П.В. Попова. Но откроем адрес-календарь Уфимской губернии на 1883 год (по переписи 1879 года): вот он – Костерин Павел Иванович, – купец 2-й гильдии. Есть здесь в числе благотворительниц «Уфимского попечительного о бедных комитета» и Е.П. Костерина, а в метрической книге уфимской Троицкой церкви в октябре 1876 года появилась запись о венчании 24-летнего Павла Костерина с 17-летней Екатериной Поповой. В Справочной книге Уфы того же 1876 г. Иван и Капитон Антоновичи Костерины (в метрической книге Ильинской церкви К.А. Костерин записан как иркутский мещанин) – среди главных торговцев города. Правда, торговали братья мануфактурным товаром, и, судя по тому, что среди гласных Уфимской городской думы этих имён нет, недвижимости в их собственности на тот момент было маловато: есть такое понятие – имущественный ценз, т.е. «требование закона, согласно которому избирательное право предоставляется только гражданам, владеющим имуществом определенной стоимости».

В 1889-м Павел Иванович Костерин стал гласным Городской думы. Правда, потом долгие десять лет после этого он почему-то не состоял в важных городских учреждениях, хотя в Уфе у него имелась квартира, и в ней, если верить одному из справочников, был установлен городской телефон (телефонная связь в нашем городе появилась в 1897 году). В Самаре его имя не было известно, там торговал его родной брат Семён (знаменитый владелец газеты «Самарский вестник», в которой тогда работал Иегудил Хламида – Алексей Максимович Пешков – М. Горький).

Известно, что к началу 1908 г. угол Александровской и Пушкинской уже числился за Костериным. В ноябре того же года П.И. Костерин стал товарищем (то есть, говоря современным языком, заместителем) председателя Аксаковского комитета А.С. Ключарёва, начальника Уфимской губернии. Очень, кстати, деятельным товарищем – через него прошли все проекты Аксаковского народного

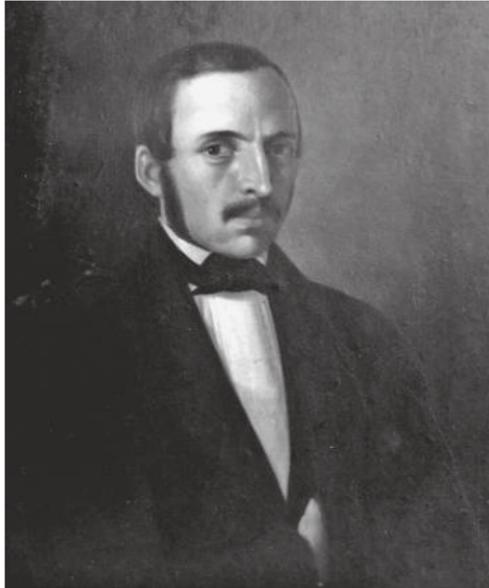

*Дом Костерина.
Фото А. Зираха*

дома (нынешний театр оперы и балета). К этому времени он, видимо, и переводит свои дела в Уфу: в 1912-м совладелец (со Степаном Черниковым) «крупчатной мельницы на Софроновской пристани» П.И. Костерин отмечен как гласный Городской думы и член Купеческого управления, он состоит в Обществе взаимного кредита, Попечительном совете Торговой школы «и прочая, и прочая, и прочая». Надо, думать, к тому времени он уже построил в Уфе новый дом – богато украшенный, трёхэтажный, в форме буквы «П» («Покой», по-старому). Несмотря на седую бороду (в её наличии я твёрдо убеждён, ведь на снимке 1908 года, где наш купец быть просто обязан, из вось-

*Лепнина на потолке одного из залов
дома Костерина*

*Павел Васильевич Попов, 1856 г.
Художник М. Тимашевский*

ми бородатых неидентифицированных мужчин подходящего возраста – 50 с небольшим лет – и не в форменной одежде (целых семь), был Костерин человеком, как сказали бы сейчас, «продвинутым». То есть не чурался новомодных веяний. А ещё трепетно относился к красоте. Вот и получился у него на месте снесённого углового домика целый дворец – с электрическим освещением и водопроводом. Но без печек – очень уж не хотелось Павлу Ивановичу жить в комнатах, по которым шесть-семь месяцев в году таскают вязанки дров для печек. Очень серьёзное новшество, ведь паровое отопление тогда планировалось только в строящихся больших общественных зданиях Уфы – Аксаковском народном доме и Коммерческом училище (здание нынешнего Авиационного техникума).

Точную дату постройки дома Костерина установить пока не удалось, хотя давно уж бытует мнение, что спроектировал его самарский архитектор Александр Щербачёв, но это, вероятно, всего лишь предположение: Щербачёву и в Самаре хватало работы. Кроме того, должен насторожить год смерти архитектора – 1912. Впрочем, и сам Костерин недолго благоденствовал в новом доме: в декабре 1913-го его отпели в уфимской Николь-

ской церкви и похоронили на Ново-Ивановском кладбище.

Нынче богато украшенный костеринский дом в Уфе знают все. Почти все видели и «фурмановскую» мемориальную доску на его стене. А каждый второй с удовольствием поведаст вам, что когда-то здесь был дом терпимости. Во всезнайке Интернете это отражено в деликатной форме – «предназначенный для заезжих купцов». И тут же вас огоршат тем, что домом на углу Пушкинской и Александровской Костерин владел вместе с Черниковым – его компаньоном и совладельцем мельницы у Софроновской пристани (из этого факта, видимо, сделан вывод и о доме). Звучит, по меньшей мере, забавно и двусмысленно.

Версия о публичном доме, по утверждению Валентины Александровны Воеводиной, впервые прозвучала во время прогулки уфимских краеведов с Николаем Барсовым – большим, можно даже сказать непревзойдённым, знатоком старой Уфы. И одновременно большим выдумщиком и шутником.

Мало ли что, возразят мне: к чему тогда женские личики на стенах, совы – символы ночи. Но позволяте в ответ спросить, как вы отнесётесь к тому, что комнаты дома расположены по дворцовому – анфиладой (для непосвящённых: анфилада – от франц. en fil – на одну нить – ряд примыкающих друг к другу помещений так, что в последнее из них можно попасть, пройдя все без исключения предыдущие? И как, позволите поинтересоваться, уживалось с борделем многочисленное семейство Павла Ивановича, ведь это был его домашний адрес? А семья у Костериных была немаленькой: окончившие соответственно в 1899-м, 1902-м и 1903-м Уфимскую мужскую гимназию Николай, Владимир и Алексей, а также Александр, Константин, Михаил, Сергей и сестра их Надежда (на счёт их образования я, честно говоря, не в курсе).

И всё же женские головки, откуда они? Легенда о том, что в виде маскаронно изображена жена Костерина, существовала давно. Но немного отвлечёмся. Два раза избирался городским головой тесть Костерина Павел Васильевич Попов. Жена его, Вера Трифоновна, – урождённая графиня Ушакова. Это про неё

писал М.В. Нестеров: «...кто не знает, что настоящая-то голова у головихи – Веры Трифоновны». Сохранились сделанные в 1856 году живописные портреты этой семейной четы. И, судя по портрету Павла Васильевича, ярко выраженный греческий нос являлся ярко выраженной же родовой принадлежностью (напомню, что до замужества жена Костерина была Поповой). Только не слишком ли молодым выглядит лицо на стенах дома, ведь в момент сооружения здания Екатерины Павловне было около пятидесяти лет. Что же, значит, легенда не имеет подтверждения?

Взгляните-ка на это лепное личико в солнечную погоду. Ещё лучше, если вы посмотрите на него с достаточно высокой точки. Убедитесь, что молодая дама вдруг становится взрослой женщиной. А упомянутый «греческий» нос сразу бросится вам в глаза. Хоть это и не прямое доказательство, но шансы в пользу Екатерины Павловны очень высоки.

Знаю, что кое-кого я не убедил. И никогда не смогу этого сделать. Можно, конечно, вспомнить классическую версию идентификации человека культурного, который, дескать, всегда отличит Гоголя от Гегеля, Гегеля от Бебеля, Бебеля от Бабеля, Бабеля от кабеля, кабель от кобеля, а кобеля, соответственно, сами понимаете от кого (а неинтеллигентный без труда различит, вроде как, только последнее). Но вероятнее, что всё это – следствие страстного желания очень впечатлительных и «осведомлённых» молодых и не очень людей познать нечто такое удивительное, которое «рядом, но запрещено». Поэтому требуется дополнительное пространное пояснение.

Совсем недавно от уфимских старожилов можно было услышать выражение «камалейкины дома». Так всегда, даже после революции, называли двухэтажные деревянные дома на высоком углу нынешних улиц Мингажева и Революционной, возле перекрёстка трамвайных линий. Снесены они были ещё в 80-е годы прошлого века.

Камалейка, он же Камалетдин Ибатуллин, был предпринимателем и имел собственность не только в Уфе, но и в Казани, Оренбурге, Нижнем Новгороде и Самарканде. В Уфе ему принадлежало не-

Маскароны на доме Костерина

сколько домов в квартале улиц Богородской (ныне Революционной), Сибирской (ныне Мингажева) и Миллионной (сейчас на этой улице – Пионерской – не осталось ни одного дома) – то есть на упомянутом выше углу. На первый взгляд – типичные доходные дома, каковых в Уфе было немало. Однако бизнес Ибатуллина был специфическим.

В феврале 1903 года Уфимская городская дума решила отвести место под... квартал «красных фонарей». Построены были эти дома на самом краю тогдашней Уфы, на Большой Сибирской улице. Одним из содержателей домов терпимости и был наш герой. А в апреле того же 1903 года уфимскую полицию возглавил Генрих Бухартовский. Человек неумный, он был организатором антропометрического бюро при полицейском управлении, фотолаборатории и адресного стола, то есть того, без чего полиция уже не могла обходиться. Создал он и типографию при своём учреждении. Немало потрудились подчинённые полицмейстера и сам он лично в 1909–1911 гг. в сборе средств на возведение Аксаковского народного дома. А ещё Генрих Генрихович являлся основателем сада Попечительства о народной трезвости – нынешнего парка имени Якутова. Что же касается домов терпимости, то полиция их опекала и порой закрывала глаза на различного рода нарушения, имея за то стабильный доход. Забота заходила так далеко, что распоряжением полицмейстера от 14 апреля 1907 года хозяевам домов терпимости

Генрих Генрихович Бухартовский, 1908 г.

было предложено провести электрическое освещение. И если в 1904 году таких домов было четыре, то в 1910-м – десять. Неудивительно, что прибывший в 1911 году в Уфу новый губернатор Пётр Башилов создал комиссию по расследованию

злоупотреблений полицейских. Один из свидетелей показывал тогда, что якобы Бухартовский присвоил два ковра Камалетдина Ибатуллина. На что Ибатуллин отвечал: у меня он ничего не брал, но я слышал, у Екатерины Николаевой (содержательницы другого дома терпимости) брал. То есть наш герой в какой-то степени выгораживал уже опального в то время полицмейстера: порядки, дескать, знаем, одного продашь, а новый голову отвернёт. Тем не менее весной 1917 года полиция прикрыла бизнес Ибатуллина. Как вспоминали старожилы, погорел он не на политике, а на том, что засёк плетью чем-то не угодившую ему проститутку.

И напоследок всё-таки о мухе. Если «одним из элементов вашего сновидения стала муха, – поясняет один из снотолкователей, – это означает, что «в вашем подсознании отложилась склонность к преувеличению, которая сопутствует вам в жизни». Так что не увлекайтесь снами с мухами и чаще включайте в работу своё левое полушарие – удаляйте надоедливых насекомых из ингредиентов «исторического» супа, иначе от неприятных последствий не поможет даже доставшаяся вам от бабушки большая серебряная ложка. Ведь мухи порой сидят... сами понимаете на чём.